

УДК 94(57)

История с фотографией

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается история появления фотографии членов польской партии «Пролетариат» Ф. Кона, Н. Лури, Г. Дулембы, Ф. Рехневского и М. Маньковского, сделанной в 1866 г. по дороге на Карийскую каторгу. Автор задался целью выяснить, где конкретно и кто выполнил данный фотографический снимок. Поиски ведутся на основе документов различных фондов ГАИО, опубликованных источников личного происхождения, анализ которых дает несколько неожиданный результат.

Ключевые слова: политическая ссылка, партия «Пролетариат», Тюменский приказ о ссыльных, Иркутск, Карийская каторжная тюрьма.

Поводом к написанию этой небольшой статьи стала довольно известная специалистам по истории политической ссылки фотография, на которой группа членов польской партии «Пролетариат» Феликс Кон, Николай Лури, Генрих Дулемба, Фаддей Рехневский и Мстислав Маньковский сняты по дороге на Карийскую каторгу в 1886 г.

Где было сделано фото? Вопрос совсем не праздный, дело в том, что перед отправкой на поселение или в каторжные работы революционеров обязательно фотографировали: циркуляр, разработанный в Главном тюремном управлении (ГТУ) еще в 1879 г., предусматривал, чтобы один экземпляр фотографии оставался в тюрьме, два других поступали в Третье отделение к жандармам, четвертый клеивался в статейный список, который выдавался сопровождавшему партию ссыльных офицеру, пятый отправлялся почтовой связью в губернский или областной центр на место отбывания наказания политического преступника. По мысли создателей этого циркуляра, «фотографические карточки представляют ту пользу, что облегчают розыск бежавших и притом могут служить удостоверением личности в тех случаях, когда ссылаемые, как иногда случается, следуя к месту назначения, меняются фамилиями» [3, л. 37].

Нередко следующих на каторгу политических ссыльных снимали дополнительно где-нибудь на этапе, в пересыльной тюрьме. На таких фотографиях ссыльные сняты обязательно в арестантском халате, в полный рост, в фас и профиль. Однако наше фото разительно отличается от «казенных» снимков. Прежде всего, это групповой портрет. Он привлекает внимание отличной профессиональной работой фотографа: чувствуется рука мастера, сумевшего, во-первых, нарисовать коллективный образ революционера, не сломленного судьбой, не поникшего перед перспективой многолетней ка-

торги (у Кона, к примеру, был десятилетний, а у Рехневского – четырнадцатилетний каторжный срок), во-вторых, построившего композицию так удачно, что подчеркнута индивидуальность каждого арестанта. И потом, снимок – явно постановочный, и делался с целью произвести впечатление на современника: здесь и ножные кандалы, надетые поверх добротных кожаных сапог, а на расшитые национальные рубахи накинута «простые» арестантские шинели.

Одним словом, фотография сделана не по казенной надобности, но тогда для чего, а также кем и где? Невозможно допустить, чтобы политических ссыльных, всегда охраняемых специальным конвоем из жандармских унтер-офицеров и солдат, где-то между Москвой и Нерчинском «отпустили» к городскому фотографу, который не спеша, со знанием дела выполнил эту эффектную фотографию.

Оказывается, эти вопросы возникли уже в 1887 г., на следующий год после выполнения группового портрета. Конечно же, как и следовало ожидать, стремлением выяснить, где было сделано фото, занялся Департамент полиции Министерства внутренних дел. Ведомство, как водится, направило запрос в Главное тюремное управление, а уже первое делопроизводство ГТУ 23 октября 1887 г. препроводило фотокарточку в канцелярию иркутского генерал-губернатора с вопросом, «где именно и при каких обстоятельствах могла быть снята настоящая группа... пяти государственных преступников: Кона, Лури, Дулембы, Рехневского и Маньковского, осужденных 16 декабря 1885 г. Варшавским военно-окружным судом за принадлежность к партии «Пролетариат», находящихся в настоящее время в Карийской каторжной тюрьме» [2, л. 8].

Из запроса следовало, что Главным тюремным управлением уже было начато расследование, в котором буквально по часам был прослежен этапный маршрут пятерых ссыльных. Так, было установлено, что данные «политические преступники ... в составе общей арестантской партии, были высланы из Варшавы 23 февраля 1886 г. и, по прибытии их на другой день в Смоленск, без остановки в тюрьме (так здесь и далее подчеркнуто в документе. – А. И.), отправлены в тот же день дальше в Москву, куда прибыли 25 февраля и сданы в Московскую Центральную тюрьму». Из Москвы названные преступники в составе особой партии были высланы 7 мая 1886 г. и, следуя безостановочно, прибыли в Тюмень 18 мая в 11 1/2 часа утра, а затем в ту же ночь в 2 часа утра, отправлены на арестантской барже по рекам Западной Сибири, в Томск, куда и прибыли 28 мая. Из Томска означенные арестанты выбыли в составе двух общих арестантских партий: «Дулемба и Лури 8 июня, а Кон, Маньковский и Рехневский 15 июня, причем первая партия прибыла в Красноярск 9 июля, а вторая 16 июля. Наконец из Красноярска в Иркутск Дулемба и Лури отправлены 16 июля, а остальные трое – 23-го числа того же июля, причем, первая партия выбыла из Красноярска 16 июля в 8 часов утра, до прибытия (вечером того же числа) второй партии в этот город» [2, л. 9].

О дальнейшем следовании преступников из Красноярска до Иркутска и дальше в Забайкалье до Карийской каторжной тюрьмы в Главном тюремном управлении сведений не имелось. При этом чиновники ГТУ были совершенно уверены, что «ни в Варшаве, ни в Москве, ни в Томске группа помянутых пяти преступников» сфотографирована быть просто не могла.

Тогда-то и возникло предположение о том, что фотография появилась в Иркутске. Препровождая сюда оригинал, ГТУ имело честь просить Иркутского генерал-губернатора «сделать зависящее распоряжение о производстве строжайшего расследования, не была ли и при каких обстоятельствах и кем снята эта группа в Иркутске, сообщив о последующем, с возвращением приложения, в возможно непродолжительном времени» [2, л. 9 об.].

Началось расследование в Иркутске. Енисейский губернатор телеграммой в первое отделение Главного управления Восточной Сибири от 29 июля 1886 г. уведомил иркутского генерал-губернатора, что «государственные преступники, следующие в каторжные работы, а именно Генрих Дулемба, Николай Люри с добровольно следующей женой и ссылаемый на жительство Михаил Овчинников⁴ отправлены в Иркутск в партии 15 сего июля». 15 июля, а не 16-го, как сказано в документе ГТУ. Уточнение – не принципиальное, в любом случае можно сделать вывод о том, что две части этой группы революционеров в Красноярске не пересекались, а значит, сделать совместное фото никак не могли [2, л. 6].

Было также установлено, что наша пятерка прибыла в Иркутск с Московского тракта 20 сентября 1886 г., а отправлена в Забайкальскую область 27-го того же сентября. Целую неделю революционеры содержались в Иркутском тюремном замке, а значит, вполне могли сделать эту фотографию. Однако иркутский полицмейстер, занимавшийся расследованием, донес следующее: «По определению здешних фотографов сказанная группа не оригинал, а копия и что обстановка, окружающая группу, не походит на обстановку Иркутского тюремного замка, а скорее напоминает Верхнеудинскую тюрьму или один из этапов Забайкальской области» [2, л. 11–11 об.].

Значит, в Иркутске отнеслись со всей серьезностью к порученному делу. Кому из городских фотографов иркутский полицмейстер показывал фотографическую карточку – неизвестно, но можно предположить, что одним из опрашиваемых вполне мог быть Петр Адамович Милевский, поляк, сосланный в Сибирь за участие в Январском 1863 г. национально-

⁴*Овчинников Михаил Павлович* (1844–1921) – народник, активный пропагандист. Осужден по «процессу пятидесяти» и сослан в Енисейскую губернию, откуда бежал (1881), вновь арестован (1887) и выслан в Якутскую область. С 1891 г. жил в Иркутске, активно занимался этнографией и археологией, изучал стоянки Верхоленская гора, Царь-Девича, Кузьмиха, Малая Межевка. В 1897–1910 гг. вел спасательные работы на Глазковском могильнике. Консерватор музея ВСОРГО, один из организаторов Иркутской ученой архивной комиссии (1917). Редактор «Трудов ученой архивной комиссии» (1913) и журнала «Сибирский архив». С 1912 г. руководитель археологической секции Общества изучения Сибири и улучшения ее быта [4, с. 371].

освободительном восстании. Милевский имел свой фотосалон в городе и вообще сотрудничал с тюремным ведомством – в канцелярии иркутского генерал-губернатора сохранились, к примеру, его «8 оплоченных счетов на 60 р. 60 к., следующих за снятие фотографических карточек с государственных преступников» от 16 ноября 1887 г. [1, л. 70]. Однако нашу фотографию Милевский все-таки не делал – это было бы тут же, что называется «по горячим следам», установлено иркутским полицмейстером.

Остается предположить, что фотография действительно была сделана где-то в Верхнеудинске или «в Забайкальской области». Но в ГАИО, к сожалению, не отложилось материалов о полицейском расследовании в Забайкалье, однако, учитывая вмешательство в это дело высокопоставленных чинов Департамента полиции МВД и ГТУ, можно предположить, что оно было, конечно же, проведено, и проведено тщательно. И, по всей видимости, если результаты не были подшиты к общему делу, получен был тот же отрицательный результат.

Но где же тогда и кем была выполнена фотография? Ответ на этот вопрос находим в документе, созданном через без малого 60 лет после описываемых событий – в воспоминаниях Ф. Я. Кона «Этапом на каторгу», вышедших в серии «Воспоминания старого большевика» в 1925 г. в издательстве «Новая Москва». Оказывается, групповое фото было сделано в Тюмени, причем не где-либо, а в самом Тюменском приказе о ссыльных!

Как известно, Тюменский приказ, созданный после принятия Устава о ссыльных и Устава об этапах 1822 г., являлся главным координирующим и контролирующим органом управления сибирской политической и уголовной ссылкой. Именно сюда со всей страны стекались сведения об осужденных на каторгу, поселение или высланных административным порядком, а также об уже отбывших наказание и возвращавшихся в Европейскую Россию. Приказ руководил деятельностью сибирских губернских экспедиций о ссыльных, в том числе и Иркутской.

В Тюмени была и главная «перевалочная база» сибирской ссылки: ежедневно в город приходили сотни арестантов со всей страны и по несколько недель жили в тюремном замке, пока здесь оформлялись статейные списки, сверялись адреса мест назначения, составлялись новые этапы. Здесь же ссыльные получали одежду и обувь, а их наличные деньги и ценные вещи изымались и отправлялись к месту отбывания наказания отдельно.

Несмотря на, казалось бы, хорошо задуманную и стройную систему Тюменского приказа, в его деятельности всегда было много неразберихи, путаницы, волокиты, а то и прямого казнокрадства. Главное тюремное управление было буквально «завалено» жалобами ссыльных на его работу. «Последний осколок приказной системы» – так образно назвала Л. П. Рошевская Тобольский (Тюменский) приказ о ссыльных, и это действительно справедливо [8, с. 203–208]. Именно здесь, благодаря отсутствию должного порядка и организации, в 1886 г. и было сделано групповое фото. Вот как описывает это событие сам Ф. Кон: «Почти тотчас по прибытии в тюрьму [1886], мы узнали, что несколько товарищей отправляют в Бе-

резов и Обдорск, на самом берегу Ледовитого океана и в такие «забытые богом и проклятые людьми местности, как Нарым и Сургут. <...> Этот первый удар, обрушившийся на наших товарищей, угнетающе повлиял на общее настроение. Воцарилось мрачное молчание, гробовая тишина, которая рассеялась только благодаря одному маленькому событию. На другой день нас должны были в Тюмени сфотографировать. (Уже четвертый раз. До того нас раз снимали во время следствия, другой раз перед выездом из Варшавы, третий раз – в Москве. Потом нас снимали еще раз в Красноярске).

Фотограф, веселенький немец, неизвестно какими судьбами попавший в Тюмень, был слегка смущен своей официальной ролью, а мы, заметив это, еще подливали масло в огонь.

– И не стыдно вам, гражданину конституционного государства, снимать людей для шпионских целей?

– Меня не касается, для каких целей. Я простой ремесленник. Мне заказывают фотографии, я делаю, а зачем, это не мое дело...

– Неправда, правительство заказывает вам снимки, чтобы ловить нас, если мы убежим ... А вы, зная об этом, продаетесь правительству. Если бы мы заказали снимки для себя, вы бы никогда не согласились.

– Неправда! Согласился бы!

– Нет!

– Но я вас уверяю!

– А вот увидим! Садитесь, товарищи, пусть снимет!

В одну минуту нас, пятерых каторжан, усадили, и прижатый к стене фотограф, волей-неволей сделал снимок.

Ему немедленно сунули в руки задаток и заказали 100 экземпляров. Часть снимков при пересылке попала в руки полиции, но штук 50 разошлось по России, Сибири и Польше. Их всюду переснимали и через несколько лет эта фотография пяти каторжан обритух, в арестантских халатах, в кандалах, стала одним из распространенных снимков этого рода.

Этого маленького успеха было достаточно, чтобы вернулось хорошее настроение, веселье и жизнерадостность, эти единственные бесценные сокровища нашей юности. На следующий день... мы отправились из тюрьмы на палубу такой же, как раньше, баржи, чтобы на ней плыть в Томск» [5, с. 56–57].

Примечательна и интересна дальнейшая судьба Феликса Кона. Отбывая каторгу на Каре, он стал участником так называемой Карийской трагедии: в 1889 г. каторжанка из политических Надежда Сегида дала пощечину коменданту Масюкову, за что была подвергнута жестокому и унижительному телесному наказанию. Не выдержав бесчестья, Сегида приняла яд. Солидаризируясь с ней, отравились еще три женщины – М. Калюжная, М. Ковалевская и Н. Смирницкая. Тогда по инициативе Ф. Кона и мужская часть тюрьмы (16 чел.) также приняла яд, однако Кон и большинство мужчин выжили, а двое – С. Бобохов и И. Калюжный все-таки умерли. Эта трагедия получила мировой резонанс, и в следующем году правительство вынуждено было закрыть Карийскую тюрьму [6, с. 324–334].

По окончании срока каторжных работ Кон был поселен в селе Чурапча Якутской области. В ссылке занимался исследованием коренного и русского старожильского населения. С 1895 г. жил в Иркутске и Балаганске, активно сотрудничал с «Восточным обозрением» и ВСОРГО, участвовал во многих общественных делах иркутской колонии народников. В 1904 г. вернулся в Варшаву. После 1917 г. занимался партийной и литературной работой. В 1931–1933 гг. был председателем Всесоюзного комитета радиовещания [7, с. 447–452].

Но вернемся к нашей фотографии. Тот факт, что она была сделана в Тобольском приказе, учреждении, созданном для организации «ссылочного дела», – яркое свидетельство неудовлетворительной постановки пенитенциарной службы, и в первую очередь политической ссылки, в царской империи. И, может быть, эта система, именуемая российским самодержавием, потому и проиграла сражение с революционерами, что была безнадежно устаревшей, не приспособленной к потребностям времени и слишком плохо управляемой.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. Оц. Д. 6.
2. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 141.
3. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 253.
4. Иркутск: Историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011.
5. *Кон Ф.* Этапом на Каторгу. Сер. Библиотека рабоче-крестьянской молодежи / под общ. ред. МК РЛКСМ; Воспоминания старого большевика / под ред. А. И. Елизаровой, Ф. Кона. – М. : Нов. Москва, 1925. – 128 с.
6. Кон Феликс. За 50 лет. Т. 1: В рядах пролетариата. – М. : Изд-во ВОПКиС, 1932. – 360 с.
7. Кон Феликс Яковлевич. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. – М. : Сов. энцикл., 1989. – С. 447–452.
8. *Роцевская Л. П.* Последний осколок приказной системы // Вопр. ист. – 1976. – № 12. – С. 203–208.

The Story Behind a Photograph

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article concerns a matter of a photo of the members of the Polish party «Proletariat» F. Kohn, N. Luri, H. Dulemba, F. Rekhnevsky and M. Mankovsky that was taken in 1866 on the way to Kara penal servitude (Kara katorga). The author studied out where and by whom the photo was taken. The research, done on the basis of archival documents, stored in the State Archive of Irkutsk Region, as well as published sources of the author's personal archives, reveals a quite surprising result.

Keywords: political exile, Proletariat party, Tyumen order on exiled, Irkutsk, Kara penal servitude.

Иванов Александр Александрович

*доктор исторических наук, профессор
кафедра политологии, истории
и регионоведения*

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)33-43-72

e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Aleksander Aleksandrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Department of Political Science, History
and Regional Studies*

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)33-43-72

e-mail: ottisk@irmail.ru